

М.Л. Бережнова

Омск, государственный университет им. Ф.М. Достоевского

КОСТЮМ РУССКИХ В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Изучение народной одежды как этнографического источника традиционно входит в круг интересов российских этнографов. В последние годы был опубликован целый ряд работ, посвященных одежде русских сибиряков.

В современном костюмоведении и этнографии принято изучать костюм отдельных групп населения в связи с их происхождением и учетом этнического и этногруппового состава населения. Современное русское население Сибири является потомками русских, представлявших все историко-культурные зоны расселения русских в Европейской России.

Освоение Сибири началось в XVI веке, но переселения продолжают до сих пор. Русское население Сибири составляет более 80% ее жителей. В современной этнографической науке принято выделять группы русских старожилов, чьи предки поселились в Сибири до середины XIX века и «поздних переселенцев» – потомков семей, которые переселялись в Сибирь, начиная с 1880-х годов. Среди старожилов особо выделяют казаков и старообрядцев.

Среди старообрядцев Сибири выделяют: «поляков» и «каменщиков» (Алтайский край, Республика Алтай); семейских (Забайкалье); кержаков (Тюменская, Омская, Новосибирская, Томская области). Считается, что их происхождение связано с переселением в Сибирь старообрядцев Стародубья и Ветки в конце XVIII века. В культуре этих групп много южнорусских черт.

Крестьянское старожильческое население Сибири формировалось на протяжении XVI – первой половины XIX века. Считается, что в основном предками этой группы сибиряков были представители северорусских групп, носители северорусской культуры. К числу поздних переселенцев (*российских*) в Сибирь относятся те, кто приехал сюда во второй половине XIX в. Однако

действительно массовые переселения датируются 1890–1910 гг. Согласно опубликованным данным, в Западную Сибирь за 1871–1918 гг. приехало 2422,7 тыс. человек.

В предлагаемом очерке предпринимается попытка этнографического осмысления тех изменений в одежде (прежде всего из ткани), которые произошли в костюме, бытовавшем у русских сибиряков, живших на юге Западно-Сибирской равнины в конце XIX – начале XX в.

В современной научной литературе сложилось мнение, что в доиндустриальную эпоху народная одежда имела этномаркирующую функцию и отражала разнообразные процессы, протекавшие в обществе. Однако развитие промышленности и товарных отношений разрушили «вещный мир» традиционной русской деревни, уничтожив и технологическую цепочку производства одежды от изготовления тканей до пошива отдельных вещей. Сменивший народный костюм комплекс так называемой городской одежды исследователями часто оценивается как этнически невыразительный, разрушающий привычный для традиционного общества костюм-символ. При этом обычно связывают утрату этнических черт в народном костюме с широким распространением покупных тканей и производством одежды на заказ, приобретением ее на рынке, разрушительным воздействием на крой и отделку городской моды.

Исследование одежды, распространенной в Сибири в конце XIX – начале XX века, показывает, что русским сибирякам было известно более 250 терминов для одежды, не менее 40 вариантов кроя разнообразной одежды из ткани. Устойчивый набор отдельных предметов (компонентов) одежды, привязанный к обширным историко-культурным районам назовем *комплексом одежды*. Набор вещей, которые традиционно сочетались между собой, можно назвать *костюмом*. В рамках одного комплекса одежды существовало несколько костюмов. Например, западносибирский комплекс включал в себя так называемые «традиционный» и «городской» костюмы. Они, в свою очередь,

имели праздничный и будничные варианты. В Сибири можно выделить два типа костюма:

«*традиционный*» – сложившийся издавна и включавший элементы костюма мест выхода сибиряков;

«*городской*» – сложивший под влиянием городской моды, новых тканей и швейных технологий во второй половине XIX века.

Исследование одежды, распространенной на юге Западно-Сибирской равнины в конце XIX – начале XX в., показывает, что русским сибирякам было известно более 250 терминов для одежды, не менее 40 вариантов кроя разнообразной одежды из ткани. Не все вещи сочетались между собой, некоторые из них носили только в будни, другие – по праздникам. Учитывая это, предлагается следующее разграничение понятий.

Комплекс одежды – это устойчивый набор отдельных предметов (компонентов) одежды, привязанный к обширным историко-культурным районам. Критерием для выделения комплекса являются этнически специфические компоненты. Ареал распространения прочих составляющих может быть гораздо шире, чем территория бытования самого комплекса.

Если эти рассуждения приложить к западносибирским материалам, то в комплекс одежды будут включены самые разнообразные компоненты: сарафаны и юбки, туникообразные рубахи и толстовки, армяки, шабуры и пальто-дипломат. Ни один личный гардероб не содержал всего, что бытовало в регионе. Индивидуальный набор вещей и их сочетание в конкретной ситуации зависели от традиционных установок на изготовление и использование одежды, моды, личного вкуса ее владельца. Из этого следует, что внешний облик каждого человека прежде всего выражал коллективные установки социума, а лишь затем – индивидуальность потребителя.

Итак, в Западной Сибири было выделено два типа костюма: «традиционный» – более старый и «городской» – относительно новый. Основу традиционного костюма составляли компоненты одежды, бытовавшие у русских еще до их

переселения в Сибирь и сохранявшиеся в последней трети XIX – начале XX вв. на территории Европейской России. У женщин важнейшим компонентом этого костюма является сарафан, у мужчин – порты или чембары на вздержке и туникообразная рубаха.

Традиционный костюм не был неизменным. В XIX в. шло развитие типов сарафанов и женских головных уборов. Изменялись мужские рубахи, например, «круглая рубаха» соотносится по крою и терминологии с «круглым сарафаном». Появились новые детали в верхней одежде. Новые элементы традиционного костюма прежде всего интегрировались в праздничный костюм. Его характерной особенностью было то, что компоненты праздничной одежды не «списывались» в разряд будничной со временем, а сохраняли свой статус весь период существования вещи. Покупные ткани сначала использовали для пошива праздничного традиционного костюма, и именно этот факт достаточно жестко разграничивал сферу употребления отдельных вещей до начала XX в.

Формирование «городского костюма» можно датировать рубежом XVIII–XIX вв., но в быт сельской местности он вошел позже. У женщин его основу составляли юбка с кофтой или платье, у мужчин – узкие брюки на поясе и клешеная рубаха. Первоначально городской костюм был праздничной одеждой. Городской костюм также был подвержен изменениям, которые, однако, не затрагивали его основу, и она сохранялась в течение всего XIX – первой трети XX в. Городской костюм был ориентирован на использование при его изготовлении покупных тканей, хотя отдельные вещи и шили из домотканины.

Одной из основных причин, обеспечивших в дальнейшем широкое распространение городского костюма, является его генетическая связь с традиционным. В нем сохранились принципы составления комплектов одежды, ее многослойность, особенно характерная в женской одежде. Набор вещей, надеваемых одновременно, состоял из белья, горничной одежды, фартука. Обязательной частью мужского и женского костюма оставалось наличие пояса и головного убора, скрывающего волосы.

В большинстве районов юга Западно-Сибирской равнины два костюма дополняли друг друга, использовались в разных ситуациях одними же и теми людьми. Обычно считают, городской костюм был праздничной одеждой, традиционный – будничной. Часто исследователи уточняют, что традиционная одежда использовалась как рабочая, городская – в качестве обрядовой (свадебной и, начиная с рубежа XIX–XX веков, погребальной).

Соединение в одних комплектах предметов разных костюмов отчетливо прослеживается на примере женской одежды. Обычным было соединение традиционной рубахи и юбки, платья, кофты. Только распространение «обтяжных» фасонов привело к смене типов нательного белья. Долгое время женщины соединяли городской костюм с традиционными головными уборами. Несмотря на то, что шамшуры быстро вышли из употребления на рубеже веков, заменили их головные уборы типа чепца, продолжающие традицию старинных повойников. Даже крайне популярная наколка, повсеместно распространенная в изучаемом регионе, в своей основе имела традиционный крой.

Распространение городского костюма часто связывают с появлением фабричных тканей. Чаще всего это утверждение соответствует действительности, но не редки и другие ситуации. Жительницы таежных районов, перенимая новый крой одежды, использовали ткани домашнего производства. Ширина ткани не позволяла сделать платье достаточно широким и это приводило к появлению дополнительных клиньев, то есть новые фасоны превращались в старые «горбачи» с рукавами.

К 1870-ым годам городской костюм был известен во всем регионе, но не являлся необходимой частью каждого гардероба. Широкое распространение компонентов городского костюма можно датировать 1890–1900 гг., хотя и в это время сохранялись территории, где наиболее употребительным был традиционный костюм. Для начала XX в. характерно постепенное вытеснение компонентов традиционного костюма из одежды молодежи и людей среднего возраста в детскую и старческую одежду.

Из всего изложенного следует вывод, что городской и традиционный костюмы сосуществовали на всей территории изучаемого региона. Основой различия костюмов был крой, но большое значение для их разделения имели и ткани, определявшие технологию изготовления, возможный декор и даже отдельные элементы кроя. Несколько большее значение имел городской костюм в женской одежде, локализовать его как определяющий можно на территории Сибирского казачьего войска и в пригородах, особенно Томска.

Другим важным обстоятельством, определяющим выбор отдельных вещей для гардероба и, как следствие, формирование комплексов, являлись эстетические представления об одежде. По требованиям, предъявляемым к одежде, противопоставлялись праздничная и будничная одежда. Это вело к большой разнице внешнего облика населения в праздники и будни. Особенно сильны были различия в детской будничной и праздничной одежде.

Вещи для повседневной носки должны были быть чистыми и соответствовать нужному размеру. О небрежно одетых людях неодобрительно говорили: обдергай, отряхай, зачепах, а об их одежде – бухло, кубарка, коротай. Наибольшая нетерпимость проявлялась по отношению к женщинам, одетым в короткую одежду и не покрывающим голову.

В то же время, в будни было принято ходить одетыми очень скромно, в недорогой одежде. Не одобрялись общественным мнением большие гардеробы будничных вещей. Принято было иметь 2–3 комплекта белья и несколько предметов горничной одежды. Обычным явлением в будни были «доноски», то есть поношенные вещи, передаваемые от одного ребенка к другому, и, иногда, от зрелых людей – пожилым. Исключение из этого правила составляла молодежь брачного возраста, особенно девушки, которые и в будни одевались довольно разнообразно и добротнo.

Видимо, в последней трети XIX в. не существовало еще четкого разделения повседневной и рабочей одежды. Рабочий комплект формировался из вещей постоянной носки и дополнялся защитной одеждой – рукавицами, поголенками,

нарукавниками. Лишь с 1890–1900 гг., когда сарафан начал постепенно выходить из широкого употребления, женщины, выходя со двора, заменяли его комплектом из юбки и кофты. Вероятно, это можно считать началом формирования женской рабочей одежды.

Совершенно иным было отношение к праздничной одежде. Она и по названию выделялась из общего гардероба, именуясь «обряд», «сряда». Обряд должен был быть ярким, богатым, затейливо украшенным. Для его изготовления выбирали ткани чистых, ярких до пронзительности цветов. Для женской одежды использовали блестящие ткани, причем предпочтение отдавали более качественным и дорогим суре и парче. Плотный и толстый, с мягкими отблесками плюш использовался для пошива верхней одежды и мужских штанов. Широко распространены были блестящие отделки – вышивка бисером, блестками, золотной нитью. Представления о красоте требовали украшать женскую одежду большим количеством отделок разного вида и цвета.

Богатство одежды понимали в прямом смысле слова, то есть ценилась дорогая покупная одежда. Наиболее качественные ткани и вещи считались изготовленными за границей и назывались «голландскими, шведскими». В праздники носить предметы традиционного костюма было не престижно, и люди, ходившие в ней, получали обидные прозвища: шабурник, андорашница, чембарник. Свидетельством бедности являлось и изготовление «обряда» из домотканины не только в пригородных районах, но и в довольно глухих углах изучаемого региона.

В то же время, общественным мнением осуждался и чрезмерно богатый традиционный гардероб. Многие информаторы подчеркивали, что приобретение тканей и вещей «среднего уровня» было доступно почти всем слоям сибирской деревни. Более зажиточные люди приобретали дорогие виды верхней одежды, платья, полушалки и т.п. Тянуться за ними хозяева среднего достатка не пытались. Существовало даже понятие «неподъемной» одежды, купить которую было не по средствам. Хотелось бы подчеркнуть, что «не по средствам» не

означает, будто в хозяйстве вообще не было нужных денег, но требуемые суммы выходили за рамки того, что можно было потратить на одежду. Лишь отдельные щеголи (по крестьянской терминологии, «модисты», «форсуны») приобретали одежду более дорогую, чем это допускали доходы.

Известный историк-сибиревед Н.А. Миненко описывает подобные ситуации не только на материалах одежды, но и жилища, пищи. Она не склонна объяснять как-либо эти факты, делая общий вывод о соответствии контрастов в материальной культуре уровню социальной неоднородности сибирской деревни. Однако чрезмерное щегольство не по достатку можно трактовать и как попытку компенсировать имущественную ущербность, скрыть свой истинный социальный статус, превратив одежду в символ престижа. Видимо, именно такое понимание одежды и порождало быстрое изменение праздничной одежды, в то время как повседневные комплекты менялись медленно.

Одним из факторов изменения комплектов одежды была крестьянская мода. Модой можно назвать кратковременные колебания в крое, расцветке и декоре одежды сельского населения. «Задавали тон» в формировании внешнего облика середняцкие и зажиточные слои населения. С новыми элементами в одежде заинтересованные лица знакомились на ярмарках, съезжих праздниках, при поездке в ближайший город.

Мода села не была напрямую связана с творчеством профессиональных модельеров и одеждой представителей высоких социальных слоев, но в некоторой степени, опосредованно, они диктовали изменения в народном костюме. В селе всегда ощущалось влияние одежды городских низов на сельский костюм. Это нашло отражение в широком распространении, в том числе и в ряде научных публикаций, понятия «городская мода». Заметим однако, что городские веяния весьма своеобразно преломлялись в одежде сельского населения, и вряд ли можно считать, что одежду сельских жителей и городских низов была одинакова.

Чтобы стало ясно, о каких модных явлениях в дальнейшем идет речь, приведем некоторые примеры. На рубеже XIX–XX вв. носили прямые и относительно узкие рукава, позже – рукава с буфами. В 1910 – начале 1920-х гг. очень модно было носить фартук с лямками через грудь, в лямки вшивали оборки. В эти же годы в моде появились и исчезли резиновые пояса, которые девушки носили поверх кофты. В 1920-е гг. по праздникам под воротник кофт стали надевать мужские галстуки. Вообще же фиксировать колебания моды очень сложно, так как они редко записывались наблюдателями прошлого. В основном ученые располагают материалами полевых сборов.

Анализируя известные модные явления, можно выделить несколько функций моды. Несомненно, что именно она позволяет по внешним признакам выделять «своих» и «чужих». Здесь уместно обратиться к рассказу Д.Г. Бондаренко, записанному участниками этнографической экспедиции Омского государственного университета в 1984 г. в Ленинском районе Кустанайской области (территория бывшего Сибирского казачьего войска). Домна Григорьевна считала, что внешне отличить не только казака, но и казачку было легко. Подчеркнем, что к процессу узнавания не имела отношения форма, так как не все казаки носили ее постоянно. Рассказчица упорно настаивала на том, что казаки и крестьяне носили одни и те же вещи, более того: «Крестьянин побогаче так, бывало, разоденется, что казакам и не снилось». По ее же словам, «в казаках что-то было...» Другой наш собеседник, казак Г.И. Негодин, поясняя мнение Д.Г. Бондаренко, рассказывал, что в каждой станице молодежь придумывала какие-то особенные мелочи в костюме, быстро подхватывавшиеся сверстниками и выделяющие группу односельчан. Он вспоминал, что на рубеже 1910–1920 гг. в казачьем поселке Пресноредуть особым образом укладывали в складки голенища сапог. Добавим, что сминать сапоги вообще было модно в казачьей среде, и не только в молодежном кругу.

Не приводя более подробных примеров, упомянем, что такого рода модные поветрия особенно часто обнаруживаются в местах с неоднородным русским

населением. В переселенческих районах бывшего Тарского уезда рассказывали, что старожилы носили модные узкие пояски с особым узором. П.Е. Бардина пишет, что крестьяне в пригородах Томска щеголяли в особых «пиньжаках», которые надевали с рубахой навыпуск и чирками. Сами они говорили, что как «...надену сорочку, пиньжак, брючки, – так нисколечко не схож с крестьянами». Все эти мелкие детали выделяли именно «своих» из общей массы населения. Территории с общей модой могли быть достаточно велики, и, напротив, незначительны. Характерно, что модные детали, о которых шла речь, существовали не очень долго, довольно быстро заменяясь какими-либо другими.

Другие модные явления подчеркивали особый социальный статус части населения. Известно, что существовали вещи очень дорогие, недоступные основной части общества. Такие предметы одежды могли быть вполне традиционны, например, богато расшитые шамшуры, отделанные бисером саки и т.п. Речь в данном случае идет о другом явлении, когда было важно не столько иметь деньги, чтобы купить какую-либо вещь, сколько знать, что конкретная вещь стала популярной у значительной части населения. Обычно такой модный элемент являлся компонентом городского костюма, то есть не был знаком основной части населения. Продержавшись какое-то время как модный, впоследствии он входил в быт всей общины. Этот путь распространения модных компонентов одновременно показывает и механизм смены традиционного костюма городским.

Часто мода как механизм формировала костюм, который не выделял, а маскировал какую-либо группу. Примером может быть костюм сибирских казаков 1920-х гг. Этот процесс подробнее описан у М.Д. Голубых, автора известной книги «Казачья деревня», опубликованной в 1926 г. В годы гражданской войны трудности с «мануфактурой» вынудили казаков использовать домотканину. При этом изменился привычный крой отдельных вещей, многое было заимствовано из будничной одежды крестьян, в частности кофты типа «шугай». К середине 1920-х гг. этот крой стал привычным для повседневной

одежды и, как модная новинка, вошел в праздничный наряд, который шили из красивых дорогих тканей. Казачки же внешне перестали выделяться из крестьянской массы.

Если считать, что смена более характерной «казачьей одежды» на общераспространенную произошла сознательно, поскольку отношение государства к казачеству стало неоднозначным, то следует признать, что казачье сообщество также сознательно «конструировали» моду. Однако в современном костюмоведении и социологии моды принято считать, что мода подсознательно отражает экономические, социально-психологические, эстетические и другие характеристики общества, в котором она создается. Процесс творчества подсознателен даже у профессиональных дизайнеров, заранее определяющих цели своей работы. Крестьянская же мода создавалась коллективно, всеми ее потребителями и мастерами, изготавливающими одежду. Поэтому, с одной стороны, мода отражала процессы, протекавшие в сибирской деревне, а с другой, – укладывалась в традиции народной одежды, предлагая потребителям новинки, генетически связанные с традиционным костюмом, его кроем, декором, технологией пошива.

Мода воздействовала на весь комплекс одежды русского населения юга Западно-Сибирской равнины. Выбор модных компонентов костюма был сознательным. Изменение кроя, технологии и декора вели к необходимости изменить параметры ткани – ее ширину, фактуру, цвет. Но уровень владения техникой ткачества у большинства русских крестьянок не позволял этого сделать. В условиях, когда имелась возможность приобретать ткани фабричного производства, произошел отказ от домотканины, использование ее для пошива одежды было сведено к минимуму. Независимым друг от друга стало бытование тканей и одежды. Полный разрыв цепочки «ткань-одежда-потребитель» произошел в первой трети XX в.

Это стало основанием для полной сены костюма русских сибиряков. В свое время постепенное сложение русского населения юга Западно-Сибирской

равнины обеспечивало постепенность и незаметность изменений в традиционном русском костюме, который приносили с собой переселенцы в XVII–XVIII вв. В сложившемся комплексе, бытовавшем в старожильческой среде, наиболее четко прослеживались севернорусские элементы, характерными чертами которого являются рубахи с прямыми поликами, сарафан, шугай. Сохранялись и севернорусские термины, например, «лопоть» (одежда), «рукава», «станушка». Указанные черты наиболее отчетливо прослеживаются в районах раннего заселения (северные районы Омской, южные – Тюменской и Томской областей).

Тесные связи с севернорусскими элементами сохраняли северо-восточные, прослеживаемые по терминам «шамшура», «кушак». Д.К. Зеленин считал, что северо-восточные специфические элементы есть ничто иное, как претерпевшие модификацию в условиях Вятской и Пермской губерний севернорусские черты костюма. Вместе с потоками переселенцев XVIII в. они проникли в Сибирь, влияя на местный традиционный комплекс, сложившийся еще в XVI в., формируя основу одежды старожильческого населения самых южных районов современной Тюменской, а также Курганской и Новосибирской областей.

Особенностью старожильческой западносибирской одежды является потеря еще в XVII в. этнически самобытных черт, отличающих локальные варианты костюма. Другими словами, одежда сибиряков-старожилов утрачивала этнодифференцирующую функцию и, видимо, уже в XVII–XVIII вв. объединяла пеструю по своему происхождению массу русских сибиряков. Процесс формирования сибирского костюма сопровождался и «усреднением» вырабатываемых в домашнем хозяйстве тканей, затронувшем в большей мере их цвет и орнаментальное решение.

Из наблюдений середины XIX в. можно сделать вывод о внешней похожести русского костюма юга Западно-Сибирской равнины. П.П. Семенов-Тян-Шанский писал, что одежда сибирских крестьян была «несравненно лучше одежды крестьян Европейской России...» Н. Черняковский отмечал характерное для русских сибиряков щегольство. Однако из записей наблюдателей,

принадлежавших к достаточно высоким общественным слоям, можно сделать и другой вывод. Да, одежда сибиряков была дорогой, но главное, она отражала те представления о красоте и добротности, что были понятны самим писавшим. Видимо, можно считать, что совпадение представлений о добротности и красоте одежды также свидетельствует о складывании в этот период «городского» костюма в Сибири.

Описывая тенденции развития западносибирского комплекса одежды, необходимо указать на влияние на костюм русских сибиряков со стороны переселенцев конца XIX – начала XX в. С одной стороны, переселенцы, прибывая в Сибирь, старались изменить свою одежду в соответствии с принятыми здесь нормами. Многие еще до отъезда с родины интересовались сибирским бытом и прибывали в Сибирь, приняв, насколько могли, новый облик. Особенно это касалось переселенцев из южных губерний России. Выходец из Рязанской губернии, еще в середине 1880-х гг. давал совет своим односельчанам, собравшимся переезжать на жительство в Сибирь: «Бабы в платках ходят, в юбках, в пальтах; сощуны (женская верхняя надевка, шушпан. – *Авт.*) не нужны здесь, их не носят, запанья – тоже. Юбки по две возьмите с собой, а остальное продавайте, башмаки свои захватите». Таким образом, наиболее выразительные черты костюма утрачивались еще до переселения. Тот же, кто сохранял специфические виды одежды, в Сибири ими практически не пользовался.

И все же изменить полностью свой облик переселенцы не могли. Г.И. Успенский, описывая курских переселенцев в Сибирь, отмечал, что они не просто иначе, чем старожилы, одеты, но и «...одеты, обуты и обмотаны в продукты всякого рода растительности: лык, мочал, пеньки...». В одном из опубликованных В.Н. Григорьевым писем сибирский новосел советует при переезде брать с собой гребенки, гребни и берда, то есть орудия ткачества, но не готовую одежду. Приверженность к домотканине можно объяснить целым рядом соображений. Во-первых, у переселенцев обычно было мало свободных денег, а домотканина делала одежду более дешевой. Во-вторых, уже комментировались требования к

повседневной одежде, так что отказавшись от наиболее специфичных видов одежды, переселенцы могли чувствовать себя комфортно и в старом костюме. В-третьих, некоторые из них (особенно выходцы с северо-запада Европейской России), производили ткани, в том числе и одежные, которые отличались высоким качеством и большой, до 60 см, шириной. Это позволяло кроить из них вещи городского образца, следуя, однако, своим представлениям о красоте и добротности одежды.

Особенностью переселенцев было и то, что отказываясь от привычной одежды, они начинали носить городской костюм, способствуя, таким образом, его скорейшему распространению. Причиной этого, видимо, было то, что подавляющая часть поздних переселенцев – выходцы из южных губерний. Они не могли принять на новом месте жительства новый костюм с яркой этнической спецификой, не соответствующий их эстетическим представлениям. Не могли они носить и старую одежду. Городской же костюм был этнически нейтрален.

Описанная тенденция изменения переселенческого костюма была массовой, но не единственной. Известны случаи консервации костюма, которая происходила относительно редко, в местах локального проживания крупных групп переселенцев из одного места выхода. Обычно группа была настолько велика, что составляла брачный круг и не нуждалась в таких контактах с окружающим населением, которые бы заставили приспособить свою культуру к сибирским стандартам.

В настоящее время группы, о которых идет речь, достоверно выделяются только полевыми методами. В 1990-х гг. был собран материал, который позволяет выделить локальные группы переселенцев, долгое время жившие относительно замкнуто, в деревнях Березники и Калачики (ныне не существующие) Булаевского района Петропавловской области Республики Казахстан и в деревнях Поречье, Алексеевка, Игоревка Муромцевского района Омской области.

Приведем некоторые материалы, свидетельствующие о консервации костюма в этих деревнях. В д. Березники жили переселенцы из Орловской губернии. Для них со времени переселения (1910-е гг.) была характерна женская одежда, состоявшая из юбки, кофты и фартука. Юбки шили из черной ткани с особым чередованием цветных полос, образующих клетку. Такую ткань невозможно было подобрать на рынке, поэтому ее ткали в хозяйствах. Некоторыми особенностями отличалась и рубаха, входившая в комплекс одежды, она лишь была укорочена в 1920–1930-е гг. и превратилась в кофту. Мужская одежда также выделялась характерными чертами кроя и отделки. Этот костюм без изменений продержался до 1960-х гг., а некоторые пожилые люди носили его и позже. Однако особенностью описываемого костюма были не отдельные черты его кроя или декора, а то, что он существовал долго и устойчиво, и носила его подавляющая часть коллектива.

Отметим, что население д. Березники и Калачики отличалось от жителей соседних деревень не только одеждой, которая была лишь внешним проявлением особого уклада жизни, присущего этой группе сибиряков. Отношение к ним со стороны живущих в соседних деревнях было неоднозначным. Зрелые люди сотрудничали с жителями рядом расположенных деревень, славились как хорошие ткачи, молодежь же часто вступала в конфликты. Если вернуться к анализу одежды, то очевидно, что приведенный пример показывает роль одежды как этномаркирующего признака. Отметим, что особенности костюма в сознании информатора были тесно связаны с особой тканью, из которой он выработывался. Как бы вторят этому рассказу слова М.Ф. Богдановой, которая, говоря об одежде жителей д. Игоревка, подчеркивала, что характерный костюм бытовал в их деревне до 1950-х гг., когда в колхоз приехал новый председатель из Омска и запретил ткать, потому что это, якобы, позорит деревню как нищую.

Выделив две тенденции развития переселенческого костюма в Сибири, вернемся к тому, как он взаимодействовал с одеждой русских старожилов. Уже высказывалось мнение, что с появлением в Сибири значительного количества

переселенцев более распространенным стал городской костюм. С момента прибытия в Сибирь больших групп переселенцев, то есть с конца 1890 – начала 1900-х гг. традиционный комплект стал вытесняться и из будничной одежды старожилов. Ускоренными, по сравнению с предыдущим временем, темпами шла внутренняя нивелировка западносибирского комплекса одежды. Видимо, в качестве ответной реакции на этот процесс складывались локальные сибирские варианты русских традиционных костюмов европейского происхождения у переселенцев.

Подобные процессы можно проследить и у некоторых сибиряков-старожилов, которые также с трудом поддаются фиксации, в связи с чем будет приведен только один пример. Некоторые полевые материалы и коллекция одежды Тобольского музея-заповедника доказывают, что в 1910-е гг. среди русского старожильского населения пригородных районов Тобольска появилась мода на праздничную одежду в подчеркнуто русском стиле. При этом фасоны и отделка вещей отражали представления изготовлявших их мастеров о том, какой была традиционная одежда. Как правило, за основу комплектов выбирался крой, характерный для городского костюма, но использовались добротные ткани домашнего изготовления, большое значение придавалось отделкам. Основой декоративного решения были либо тканые бранью полосы, либо вышивка бранями швами. Подобного рода тенденции были характерны и для других регионов России в это время, но имитация старого русского костюма везде была разной.

Объяснить этническое значение процессов, изменявших одежду русских сибиряков можно, исходя из общепризнанной сейчас в специальной литературе точки зрения на народный костюм как знаковую систему. Любой традиционный костюм содержал информацию о поле, возрасте, семейном положении, достатке и месте жительства ее обладателя. Различия в костюме были минимальны у жителей близлежащих населенных пунктов, нарастая с расстоянием между поселениями. Неизменность костюма обеспечивала верную дешифровку

содержащихся в нем сведений. Необходимость вложить в костюм определенный смысл устанавливала цепочку «изготовитель – потребитель – вещь». Очевидно, что делали и носили костюм в одной семье, то есть отчуждение его было минимальным.

В Сибири русское население было смешанным, отличаясь местами выхода, а кроме того, представители разных социальных групп селились рядом, без деления на слободы. В этих условиях были важны не столько этнические различия в культуре или быте, сколько социальные. Поэтому для сибирского комплекса одежды было характерно сохранение в традиционном костюме наиболее нейтральных, усредненных черт, узнаваемых русскими любого происхождения. Эти черты и некоторые виды одежды, известные всему населению региона, характеризовали носителя костюма как сибиряка. Начавшиеся в конце XIX в. массовые переселения сделали сибирскую часть русского этноса еще более неоднородной. Именно в это время традиционный костюм начинает окончательно вытесняться из широкого употребления.

Быстрое складывание городского костюма отражало необходимость выразить социальный статус владельца одежды. Этому же служила и мода, выделявшая в ряде случаев определенные социальные группы. Именно для городского костюма характерен разрыв между производством и потреблением, что подчеркивало общественное и имущественное положение хозяина костюма. Большое количество модных элементов костюма появилось в одежде в 90-х гг. XIX – первой трети XX в. Изложенные материалы показывают, что в это время модные элементы городского костюма выделяли группы не только по социальному, но и по этническому признаку, отделяя внешне старожилов от новоселов. Вероятно, это можно рассматривать как проявление этнических последствий массовых переселений в Сибирь.

Рекомендованная литература

Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. – Томск, 1995. – 224 с.

Голубых М.Д. Казачья деревня. – М., 1930. – 320 с.

Гринкова Н.П. Одежда бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. – Л., 1930. – С. 313–396.

Западная Сибирь XIX – начало XXI века // Русская народная одежда : историко-этнографические очерки. – М., 2011. – С. 491–570.

Лебедева А.А. Крестьянская одежда русского населения Сибири // Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX в. – М., 1981. – С. 142–182.

Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск, 1997. – 152 с.

Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири. – Новосибирск, 2015. – 296 с.

Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири. – Новосибирск, 1992. – 256 с.

Шитова Н.И. Традиционная одежда уймонских старообрядцев. – Горно-Алтайск, 2005. – 112 с.